

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ГРЕХИ
ВЫСШЕГО
ОБЩЕСТВА

КНИГА 2. ВЛАСТЬ

18+

Алексей Чернявский

Грехи высшего общества.

Книга 2: Власть

<https://litres.ru/74571192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы сожгли наше прошлое, но пепел накрыл всю страну.

Они думали, что сломали нас. Мой отец лишен имени и заперт в швейцарской тюрьме, петербургские чиновники стерты в порошок, а между мной и Кириллом больше нет лжи и фиктивных контрактов. Но наша победа сорвала чеку с гранаты, заложенной на самом верху.

Один ночной звонок превратил нас в главных врагов государства. Ликвидация следователя в «Крестах», обвинение в государственной измене и красный ордер Интерпола. Все наши счета заблокированы, границы закрыты, а по нашему следу идут элитные чистильщики Москвы.

Нам предлагают бежать и раствориться в безликой толпе. Но Кирилл Северский не умеет отступать. А я больше не испуганная девочка с фальшивым векселем в руках.

Если система решила объявить на нас охоту — мы вернемся. И заберем у них саму власть.

Вторая книга захватывающей тетралогии «Грехи высшего общества». Опасные игры, международные интриги, роскошь на краю гибели и любовь, ставшая смертоносным оружием.

Содержание

Глава 1. Код красный: Альпийский транзит	5
Глава 2. Венский след	23
Глава 3. Кровь на барокко	42
Глава 4. Транзит через бездну	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алексей Чернявский

Грехи высшего общества.

Книга 2: Власть

Глава 1. Код красный: Альпийский транзит

Короткие, механические гудки отбоя в динамике спутникового терминала прозвучали как стук затвора перед контрольным выстрелом.

Слова генерала Селезнева продолжали вибрировать в ледяном воздухе набережной Монблан: *«Ордер на твой арест подписан лично Директором ФСБ. В аэропортах России объявлен план “Перехват”. Вы объявлены в международный розыск по красной линии. За вами уже вылетели».*

Шторм над Женевским озером стих, но от воды тянуло сырым альпийским холодом. Где-то вдалеке, в переулках старого города, затихал мерный вой полицейских сирен, увозивших арестованного Андрея Соколовского.

Агния стояла у гранитного парапета, не чувствуя порывов ветра. Тяжелое кашемировое пальто Кирилла, брошенное на ее плечи поверх промокшего черного жакета, все еще хра-

нило сухое тепло его тела. Но внутри все заледенело.

Они не успели сделать даже вдоха после победы. Город, где они родились, вычеркнул их за тридцать секунд.

Кирилл опустил руку с терминалом.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Ни тени растерянности, ни паники, ни секундного оцепенения. Человек, которого только что объявили главным врагом государства, мгновенно перешел в режим автономного хищника. В его серых глазах зажглось то самое ледяное, расчетливое пламя, с которым он шел под пули в порту Усть-Луги.

— Телефон, — отчеканил он, повернувшись к ней. Голос звучал пугающе спокойно. — Твой личный аппарат. Доставай.

Агния молча открыла сумочку, вынула тонкий смартфон, по которому час назад разговаривала со швейцарским банком, и протянула ему.

Кирилл положил спутниковый терминал на влажный гранит парапета, наступил тяжелым каблуком армейского ботинка и с хрустом раздавил процессорную плату в крошево. Затем переломил смартфон Агнии пополам, вырвал сим-карту и широким замахом швырнул обломки микросхем далеко в черную воду Женевского озера.

Тихий всплеск утонул в плеске прибрежных волн.

— У нас нет двух часов, о которых говорил Селезнев, — произнес Кирилл, сжав ее здоровое плечо твердыми, горячими пальцами. — Если в Москве вскрыли резервную пап-

ку Воронова, красный циркуляр Интерпола упадет на дежурный терминал полиции кантона Женева через сорок минут. Нас заблокируют в гостинице, если мы сделаем хоть один звонок.

Агния подняла на него глаза. В ее взгляде не было страха. После всего, через что они прошли — расстрела в Алмазова, бойни на Лиговке и очной ставки с живым отцом в банковском депозитарии, — ее нервную систему невозможно было сломать приказом с Лубянки.

— Машина? — коротко спросила она.

— Представительский седан у отеля засвечен камерами банка, — Кирилл уже вел ее прочь от набережной, увлекая в полумрак узкого мощеного переулка, ведущего к площади Наций. — На нем стоят трекеры местной прокатной компании. Бросаем. Уходим дворами.

Они шли быстро, но не срываясь на бег, сливаясь с редкими прохожими под вечерним дождем. Агния держала шаг, преодолевая пульсирующую боль в левой ключице. Рука Кирилла не отпускала ее локоть, контролируя каждый шаг, готовая в любую секунду закрыть корпусом от возможного выстрела из темноты.

Подземный трехуровневый паркинг роскошного отеля *Beau-Rivage* встретил их гулким эхом вентиляционных шахт и стерильным люминесцентным светом.

Северский не стал спускаться на лифте — они вошли через пожарный выход нулевого яруса.

В дальнейшем, затененном тупиковом боксе, за массивной бетонной колонной с маркировкой «С-14», стоял неприметный темно-синий универсал Audi RS6 с затонированными стеклами и брызгами засохшей грязи на крыльях. Номера автомобиля принадлежали южному швейцарскому кантону Тичино.

Кирилл провел пальцем под передним правым подкрылком, нащупал магнитный бокс и извлек механический ключ.

Замки щелкнули с глухим герметичным звуком.

— Машина «холодной консервации», — бросил Кирилл, распахивая перед ней пассажирскую дверь. — Оформлена на подставную логистическую фирму из Лугано три года назад. Никакой спутниковой телематики, бортовой GPS отключен физически.

Он открыл багажник, достал два объемных водонепроницаемых баула из черного кордура и бросил их на заднее сиденье.

— Переодевайся. Прямо сейчас.

Внутри сумок лежала жесткая практичность беглецов экстра-класса: никакой роскоши, только тепло и функционал. Черные плотные кашемировые водолазки, армейские брюки из ткани рипстоп, легкие тактические куртки без опознавательных знаков, прочные трекинговые ботинки.

В отдельном плоском кейсе лежали две оружейные кобуры с компактными австрийскими пистолетами SIG Sauer P365, четыре запасных магазина, пачки купюр по сто швей-

царских франков и два темно-бордовых паспорта граждан Австрийской Республики с их фотографиями, вклеенными еще полгода назад аналитиками Глеба.

Агния сбросила промокший жакет.

Движение отозвалось острой, режущей болью под ключицей — медицинский бандаж пропитался сукровицей после резких движений в хранилище. Она тихо, сквозь зубы втянула воздух.

Кирилл замер на полпути, отбросив собственную сорочку.

В тусклом свете паркинга его обнаженный торс казался литым щитом из темной бронзы: широкие плечи, глубокие шрамы на ребрах и темная паутина ожога на левой руке. Он подошел вплотную, опустился перед ней на колени прямо на бетонный пол салона и бережно, не касаясь краев повязки, помог ей расстегнуть ворот блузки.

Его горячие пальцы легли на ее обнаженную ключицу рядом с бинтом.

— Рана кровит, — его голос стал низким, хриплым, вибрирующим от сдерживаемой нежности.

— Швы держат, — выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. Расстояние между их лицами сократилось до нескольких сантиметров. Она чувствовала тяжелый запах его кожи — морозный дождь, оружейный металл и горький табак. — Не трать время на перевязку, Кирилл. Нам нужно уйти за перерыв до полуночи.

Северский не ответил.

Он медленно наклонился и прижал губы к ее обнаженной шее — прямо под линией пульсирующей сонной артерии.

Поцелуй был обжигающим, жадным, собственническим. В нем не было страха перед международным розыском. В нем была первобытная клятва хищника, который сожжет континент дотла, прежде чем позволит кому-то прикоснуться к этой женщине.

— Ты удивительная, Соколовская, — прошептал он ей в ключицу, обдавая чувствительную кожу горячим дыханием. — Другая бы уже рыдала на коленях, проклиная тот день, когда села в мой «Майбах».

— Другая не владела бы половиной твоего фонда, — парировала она, и слабая, дерзкая усмешка тронула ее бледные губы. — Одевайся, муж. Нас ждут в Альпах.

К десяти часам вечера автобан А2, уходящий на юго-восток в сторону кантона Ури, превратился в заснеженный ледяной желоб.

Начался перевал Сен-Готард.

Швейцарская зима в высокогорье наступала без предупреждения: мокрый озерный дождь сменился тяжелой, плотной метелью. Снежные заряды летели горизонтально, разбиваясь о лобовое стекло универсала. Видимость упала до тридцати метров. Справа чернели отвесные гранитные скалы, уходящие в свинцовое небо, слева за низким бетонным отбойником зияла полукилометровая пропасть ущелья Шё-

ленен.

Полноприводный Audi шел на скорости сто сорок километров в час.

Кирилл вел машину с филигранным, пугающим спокойствием. Его руки в тонких кожаных перчатках держали руль с микроскопической точностью, ловя малейшие заносы на обледенелых виражах серпантина. Радар-детектор на приборной панели молчал: полиция кантона свернула мобильные посты из-за штормового предупреждения.

На коленях Агнии светился экран защищенного армейского ноутбука Panasonic Toughbook, извлеченного из тайника в багажнике.

Компьютер работал в автономном режиме, без выхода в радиоэфир. В его память был загружен последний зашифрованный дамп служебного сервера следователя Воронова, который Глеб успел выкачать за десять минут до ликвидации полковника в камере «Крестов-2».

Пальцы Агнии методично летали по клавиатуре, взламывая криптографические ключи с помощью личных аудиторских алгоритмов отца.

— Смотри сюда, — не поднимая головы, произнесла она.

Кирилл бросил короткий взгляд на экран, одновременно закладывая вираж в закрытый туннель: — Что там?

— Воронов вел двойную бухгалтерию не для себя, — в голосе Агнии звенела ледяная сосредоточенность профессионала, препарирующего труп гигантского спрута. — Все эти

годы он собирал компромат на структуру под кодовым названием «Альтаир».

Она открыла интерактивную схему финансовых проводок: — Это не просто питерский картель, Кирилл. Это закрытый синдикат высшего эшелона. Десять лет подряд через фиктивное банкротство Балтийского завода, через подставные фирмы моего отца и через твой портовый терминал в Усть-Луге отмывались триллионы рублей из закрытых статей государственного оборонного заказа и федеральных инфраструктурных фондов.

Она повернула экран к нему: — Схема была гениальной. Воронов обеспечивал силовое прикрытие и фальсифицировал уголовные дела. Оболенский в Смольном штамповал земельные отводы. Мой отец предоставлял строительные мощности девелопмента для легализации бетона. А твой фонд «Север Ассетс» использовался вслепую как внешняя витрина — респектабельный частный бизнес, на баланс которого вешали токсичные долги.

Северский помрачнел, его челюсти сжались с глухим звуком: — А когда я начал выкупать долги Соколовского и полез в закрытые реестры намыва...

— Они поняли, что ты вскроешь фальшивое дно их прачечной, — жестко закончила Агния. — Поэтому отец имитировал инсульт и выставил Седова смертником. Поэтому Каримов пригнал наемников в порт. А когда ты раскатал их всех в суде, и Воронов оказался в одиночке «Крестов»... мос-

ковские кураторы запаниковали.

Она сделала паузу, глядя на темные силуэты альпийских пиков за окном: — Воронова зарезали не в отместку. Его заставили замолчать. Но перед смертью он успел нажать кнопку аварийного сброса архива. И теперь картель делает единственный логичный ход: они вешают всю недостачу — сорок миллиардов евро пропавших целевых средств — на фонд «Север Ассетс».

— И на тебя, — глухо добавил Кирилл. — Потому что вчера утром я переписал сто процентов акций на твое имя.

— И на меня, — ее голос не дрогнул. — Ордер Директора ФСБ — это не расследование. Это ликвидационный акт. Они объявили меня главой преступного сообщества, чтобы конфисковать все активы в пользу государства, списать пропавшие триллионы на «вороватую дочь беглого олигарха» и закрыть тему навсегда. А нас обоих положить в безымянную могилу при задержании.

Кирилл на секунду оторвал правую руку от руля, накрыв ее ладонь на клавиатуре.

Его пальцы были горячими, жесткими, уверенными.

— Они совершили фатальную ошибку, Соколовская, — на его губах появилась та самая кривая, смертоносная усмешка, от которой у врагов холодела кровь.

— Какую?

— Они думали, что загоняют в угол испуганную наследницу и контуженного рейдера. Но они дали нам в руки пол-

ную карту их собственных артерий. Мы не станем оправдываться перед их судами, Агния. Мы перережем эти артерии одну за другой.

К половине четвертого утра метель осталась позади, за перевалом.

Спуск в итальянскую Швейцарию — кантон Тичино — встретил их влажным теплом субтропической котловины и мерцанием далеких огней курортного Лугано.

Универсал свернул с скоростной трассы на узкую, петляющую среди вековых кипарисов и каштанов частную дорогу, уходящую круто вверх — на скалистый мыс над темной гладью озера Черезио.

Вилла стояла на самом краю обрыва, в пятистах метрах от итальянской границы.

Это было старинное палаццо из серого ломбардского песчаника, скрытое за трехметровой каменной стеной и плотной стеной лавровых зарослей. Никаких камер, подключенных к оптоволоконным сетям, никаких электронных звонков — тяжелые кованые ворота открывались механическим ключом, глубоко спрятанным в расщелине скалы.

Кирилл загнал машину в глубокий грот гаража, запер стальные створки на ручные засовы и помог Агнии подняться по каменным ступеням в дом.

Внутри стоял вековой, благородный покой: запах старого вошеного дерева, холодного гранита, каминной золы и сырого озерного ветра.

Кирилл опустил тяжелые дубовые ставни на всех окнах первого этажа, запер бронированную дверь на три оборота и щелкнул механическим запальником: в циклопическом камине из темного базальта с сухим треском занялись сухие буковые поленья.

Теплые оранжевые блики залили просторную гостиную с террацитовым полом, тяжелыми кожаными диванами и книжными шкафами, уходящими под сводчатый потолок.

Агния опустилась в глубокое кресло у огня.

Только сейчас, когда бронированные двери отрезали их от швейцарской полиции и московских чистильщиков, ее накрыл сокрушительный откат.

Адреналин двенадцатичасовой гонки выветрился без остатка. Плечо пульсировало раскаленным свинцом, веки налились тяжестью, руки мелко дрожали от холода и физического истощения.

Кирилл подошел неслышно.

В его руках была аптечка первой помощи, флакон с хирургическим антисептиком, стерильные ножницы и чаша с теплой водой.

Он опустился на колени прямо перед ее креслом, не говоря ни слова.

Его сильные, загрубевшие пальцы осторожно, миллиметр за миллиметром, разрезали ворот ее черной водолазки, обнажая бледную кожу ключицы. Старый бандаж присох к ране — Кирилл смочил марлю теплым раствором, терпеливо

дожидаясь, пока ткань отойдет без боли.

Когда бандаж был снят, в свете каминного огня обнажилась длинная рваная борозда от пули — воспаленная, багровая, но начавшая затягиваться по краям благодаря армейским стрипам.

— Терпи, волчица, — тихо выдохнул он.

Струя антисептика обожгла рану.

Агния судорожно втянула воздух сквозь зубы, ее пальцы инстинктивно впились в широкие плечи Кирилла, сминая плотную ткань его куртки. Она не застонала. Лишь прикусила нижнюю губу до крови, глядя сверху вниз на его склоненную голову, на короткие темные волосы, тронутые пеплом усталости.

Кирилл зафиксировал края раны свежим полимерным пластырем, наложил дышащую компрессионную подушку и аккуратно забинтовал плечо эластичным бинтом через грудь.

Его руки закончили перевязку, но он не поднялся с колен.

Он остался сидеть перед ней, тяжело дыша. Его ладони — теплые, влажные от антисептика — медленно поднялись и легли на ее бедра, поднимаясь выше к талии.

В тишине каменного зала слышно было только, как гудит огонь в камине да как шумит озеро далеко внизу под обрывом.

Кирилл поднял глаза.

В полумраке, озаренном рыжими языками пламени, его

лицо потеряло маску безжалостного командира. В нем обнажилась та самая глухая, первобытная, выстраданная преданность, которая связала их жизни крепче любых венчальных клятв.

— Ты спасла меня в суде, Агния, — произнес он хриплым, сорванным шепотом. — Ты бросила мне под ноги четыреста миллионов, чтобы доказать, что не веришь в мою вину.

Его пальцы сжались на ее талии, притягивая ее тело к краю кресла: — Я никогда в жизни не просил ни у кого прощения. Ни у Бога, ни у черта. Но за ту ночь в Репино... за то, что не успел вытащить твою мать... я буду вымаливать твое прощение до последнего своего вздоха.

Слезы обожгли горло девушки.

Она медленно протянула правую руку, ее пальцы зарылись в его густые темные волосы, скользнули по затылку, притягивая его голову к своей груди.

— Замолчи, — прошептала она, закрывая глаза. Ее губы коснулись его виска, впитывая запах дыма и соли. — Ты спас меня четырнадцатилетней девочкой из огня. Ты вытащил меня из-под пуль вчера. Мы квиты, Кирилл. Навсегда квиты.

Северский глухо застонал, уткнувшись лицом в изгиб ее шеи. Его руки сомкнулись вокруг ее спины железным кольцом, с сокрушительной силой прижимая ее хрупкое тело к своей груди. В этом объятии у огня сгорел последний пепел их прошлого.

Они больше не были осколками чужих преступлений. Они стали единой, неделимой силой, готовой бросить вызов самой империи.

Шесть часов утра.

Над альпийскими хребтами за окнами виллы занимался холодный, хрустальный рассвет цвета полированной платины. Туман над озером Лугано медленно таял, обнажая зеркальную, неподвижную гладь воды.

В камине дотлевали малиновые угли.

Агния сидела за массивным письменным столом из орехового дерева в библиотеке второго этажа. На ней была свободная черная рубашка Кирилла, скрывавшая повязку на плече, темные волосы распущены по плечам.

Перед ней стоял Toughbook, на экране которого завершался многочасовой процесс дешифровки финального сектора архива Воронова.

Зеленая полоса прогресса замерла на отметке: **100% / DECRYPTION COMPLETE.**

Кирилл вошел в библиотеку неслышно, неся две чашки свежесваренного эспresso. Он поставил чашку на край стола, подошел к ней сзади и положил тяжелую ладонь на ее здоровое плечо, вглядываясь в монитор: — Открылось?

— Да, — ее голос прозвучал глухо, словно из другого измерения. — Это личный журнал связей Воронова. Список закрытых трастов, через которые шли расчеты картеля «Альтаир».

Она открыла итоговый файл с грифом: «*Протокол А-01. Кураторство и распределение долей*» .

На черном экране развернулась таблица из пятнадцати фамилий высших чиновников страны: министры, заместители генерального прокурора, руководители государственных корпораций.

Но на самом верху, над всеми ветвями власти, отдельной строкой было выделено имя единственного верховного бенефициара картеля.

Человека, чья электронная подпись стояла под распоряжением об уничтожении Балтийского завода в 2014 году, под контрактами намыва и под вчерашним секретным приказом об аресте Агнии.

Агния медленно прочитала строку вслух: — Первый заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации. Генерал армии Барышев Виктор Сергеевич.

Рука Кирилла на ее плече мгновенно онемела.

Чашка с горячим кофе в его пальцах дрогнула. Черная жидкость выплеснулась на полированное дерево стола, оставив темное, расплзающееся пятно.

Агния резко обернулась, глядя на мужа снизу вверх.

Лицо Кирилла Северского потеряло всякий цвет.

Оно стало белым, как вечные ледники на вершинах Сен-Готарда. Его зрачки сузились в крошечные черные точки, челюсти сжались с таким чудовищным хрустом, что на висках лопнули капилляры. В его взгляде вспыхнул такой пер-

вобытный, разрывающий изнутри шок, какого она не видела у него даже под дулами автоматов.

— Кирилл?.. — прошептала она, поднимаясь с кресла. — Кто такой Барышев? Ты знаешь его?

Северский не ответил сразу.

Он смотрел на фамилию генерала армии на экране, и его дыхание вырывалось из груди тяжелыми, рваными толчками, словно ему всадили штык под ребра.

Медленно, деревянными пальцами он потянулся к шее и вытянул из-под ворота сорочки серебряный армейский жетон с гравировкой группы крови — единственную вещь, которую он носил не снимая с самого детства.

На обратной стороне жетона тонким резцом было выбито посвящение: *«Крестнику Кириллу от дяди Вити. Служи честно. 2006 год».*

— Барышев... — звук его голоса был похож на хрип умирающего волка. — Барышев был лучшим другом моего отца со времен Афганистана.

Кирилл поднял на нее потемневшие, налитые кровью глаза: — Когда отца посадили в «Кресты», а верфь сгорела... Виктор Сергеевич приехал в приют лично. Он вытащил меня из изолятора. Он оплатил адвокатов. Он дал мне первые государственные контракты на портовую охрану в Усть-Луге, помог создать фонд и сказал: «Твой отец был мне братом, Кирилл. Я защищу тебя от тех, кто его убил».

Слова падали в тишину библиотеки, как капли раскален-

ного свинца.

Мир внутри Кирилла Северского раскололся до самого основания.

Человек, которого он боготворил двенадцать лет...

Человек, чью фотографию в генеральской форме он держал в сейфе как икону...

Человек, которого он считал своим единственным отцом, наставником и щитом во власти...

Именно он стоял во главе синдиката, сжегшего Балтийский завод. Именно он отдал приказ убить инженера Ковальского. Именно он использовал Соколовского как козла отпущения, а молодого Кирилла — как цепного пса, чтобы чужими руками контролировать балтийские миллиарды.

И именно его подпись стояла под сегодняшним ордером на уничтожение Агнии.

Кирилл медленно опустил взгляд на серебряный жетон на своей ладони.

Пальцы сомкнулись. Металл согнулся под чудовищным давлением его кулака.

Северский поднял голову, глядя в окно на холодное зеркало озера Лугано.

Вся боль, весь шок и растерянность выгорели за три секунды, превратившись в абсолютную, кристально чистую, смертоносную тьму. Тьму человека, у которого не осталось святынь.

Он повернулся к Агнии.

Его губы тронула ледяная, жуткая улыбка хищника, вышедшего на тропу последней войны:

— Мой крестный отец подписал на нас ордер, Агния, — произнес он тихим, ровным шепотом, от которого зазвенели стекла в книжных шкафах. — Что ж... Пора навестить семью.

Глава 2. Венский след

Утренний туман над озером Лугано рассеивался неохотно, цепляясь влажными клочьями за темные верхушки кипарисов.

В старинной библиотеке виллы стоял холодный запах остывшей каминной золы, крепкого кофе и оружейного масла. На массивном столе из полированного ореха светился дисплей армейского «Панасоника», окруженный стопками распечатанных финансовых ведомостей из архива Воронова.

Кирилл стоял у арочного окна, глядя на свинцовую гладь воды под обрывом. В его руке был зажат деформированный армейский жетон — серебряный кругляш с надписью «Крестнику Кириллу от дяди Вити», металл которого хранил следы чудовищного давления его собственных пальцев.

Шок от предательства генерала армии Барышева не сломал его. Он лишь выжег дотла последние человеческие сомнения, превратившись в кристально чистую, холодную расчетливость.

Агния сидела за столом, одетая в простой черный свитер крупной вязки, скрывавший свежую повязку на плече. Ее пальцы быстро прокручивали зашифрованные протоколы межбанковского клиринга.

— Он не держит операционную кассу в России, — нарушила тишину Агния. Ее голос звучал сухо, без единой лиш-

ней эмоции. — Барышев слишком умен, чтобы оставлять следы в подконтрольных Центробанку структурах. Все теневые потоки синдиката «Альтаир» сходятся в одной точке.

Кирилл медленно повернулся, убирая согнутый жетон в карман брюк: — Где?

— Вена, — она развернула ноутбук к нему. — Трастовая компания *Austro-Nordic Capital*. Зарегистрирована в первом внутреннем районе Вены на Кольмаркт. Управляющий партнер и единственный держатель права безусловной подписи — барон Максимилиан фон Штейн.

Северский прищурился, вглядываясь в фотографию на экране: шестидесятилетний аристократ с породистым надменным лицом, тонким носом, моноклем и идеально уложенными седыми волосами.

— Старая австрийская школа, — глухо произнес Кирилл. — Семья фон Штейнов отмывала деньги еще для партийной номенклатуры ЦК КПСС в конце восьмидесятых.

— И продолжает делать это сейчас, — Агния постучала ногтем по строке баланса. — Сегодня в двадцать ноль-ноль во Дворце Лихтенштейнов на Фюрстенгассе проходит закрытый благотворительный аукцион дома *Dorotheum*. Фон Штейн лично выставляет там семейную реликвию — сапфировую парюру времен императрицы Марии Терезии. Стартовая цена лота — шестьдесят миллионов евро.

Она подняла глаза на Кирилла: — Покупатель уже определен. Это подставной фонд Барышева, зарегистрированный в

Лихтенштейне. Под видом покупки драгоценностей генерал переводит шестьдесят миллионов евро из черной кассы оборонного заказа на австрийские счета. Эти деньги пойдут на подкуп судей Верховного суда в Москве и финансирование ликвидационных групп, которые сейчас рыщут по Европе в поисках нас. Если транш пройдет сегодня вечером, Барышев получит полную юридическую легализацию в столице.

Кирилл подошел к столу. Его ладони тяжело оперлись о край полированного дерева, нависая над экраном.

— Лихтенштейнский дворец — режимный объект, — произнес он с жесткой усмешкой. — Частная охрана, австрийская федеральная полиция на внешнем периметре, дипломатический протокол. Туда нельзя зайти с автоматами и устроить перестрелку, как на Лиговке.

— С автоматами туда идти и не нужно, — Агния спокойно откинулась на спинку кресла, глядя ему прямо в зрачки. — Фон Штейн — финансист. А финансисты боятся аудиторов куда больше, чем наемников с пистолетами. Мы не станем ждать, пока ликвидаторы Барышева найдут это убежище в Лугано. Мы перережем генералу венский кошелек прямо во время третьего удара аукционного молотка.

Кирилл смотрел на нее долгие пять секунд. В его серых глазах вспыхнул тот самый опасный, восхищенный огонь, который рождался каждый раз, когда эта хрупкая женщина брала на себя роль ведущего стратега.

— До Вены шестьсот километров через перевал Бреннер,

— отчеканил он. — Выезжаем через десять минут.

Шестичасовой марш-бросок через Тирольские Альпы превратился в бесшумный полет сквозь пространство и время.

Темно-синий универсал Audi RS6 с номерами кантона Тичино шел по австрийским автобанам на скорости сто восемьдесят километров в час, легко рассекая мокрый снег широкими шинами.

В салоне царила сосредоточенная тишина. Кирилл вел машину одной рукой, второй непрерывно контролируя зеркала заднего вида. Агния на пассажирском сиденье изучала досье на гостей аукциона, загруженное через резервный спутниковый канал.

Легенда беглецов была безупречной.

Из потайного сейфа в багажнике были извлечены подлинные документы, подготовленные аналитиками фонда два года назад на случай катастрофы высшего уровня: граф Кристиан фон Валленштейн — австрийский инвестор с закрытым семейным трастом в Зальцбурге, и его супруга, графиня Елена. Родословная, кредитные истории с рейтингом AAA, членство в закрытых клубах Вены.

Когда заснеженные альпийские перевалы Инсбрука и Зальцбурга сменились равнинами Нижней Австрии, Агния закрыла ноутбук и повернулась к боковому окну.

Она видела свое отражение в тонированном стекле.

Бледное, породистое лицо, острые скулы, темные орехо-

вые глаза, в которых больше не осталось детской нерешительности. Она больше не была испуганной дочерью обанкротившегося строителя. Она была женщиной, чья рука держала за горло миллиардные потоки европейского банкинга. Женщиной человека, объявившего войну Совету Безопасности ядерной державы.

Они въехали в Вену в пять часов вечера.

Имперская столица встретила их влажным асфальтом, запахом жареных каштанов, монументальными фасадами эпохи Франца Иосифа и мягким золотистым светом старинных уличных фонарей Рингштрассе.

Машина бесшумно свернула на Филармоникерштрассе и остановилась у парадного подъезда легендарного отеля *Sacher*.

Швейцар в ливрее с золотым шитьем распахнул дверь, склоняясь в глубоком поклоне: — Guten Abend, Herr Graf. Добро пожаловать.

Исторический люкс на четвертом этаже отеля напоминал покои австрийских эрцгерцогов: стены, затянутые темно-бордовым дамасским шелком, тяжелая лепнина, полированный дубовый паркет, антикварная мебель из красного дерева и панорамные окна с видом на залитый огнями фасад Венской государственной оперы.

В воздухе витал сложный букет из аромата венского кофе, горького шоколада и сухой пудры.

Времени до открытия аукциона оставалось меньше двух

часов.

Курьер из закрытого модного дома на Грабен доставил заказанный гардероб за сорок минут до их приезда.

Агния стояла перед трехстворчатым ростовым зеркалом в гардеробной.

Платье сидело на ней как вторая кожа — тяжелый, струящийся шелк глубокого, холодного сапфирового оттенка. Никакого декольте: глухой, безупречно строгий воротник-стойка полностью закрывал основание шеи, а длинные узкие рукава скрывали линии рук. Плотная подкладка платья была скроена так, чтобы медицинский бандаж на левой ключице оставался абсолютно невидимым снаружи. Юбка прямого силуэта мягко ниспадала до пола, открывая лишь мыски туфель на тонкой двенадцатисантиметровой шпильке.

Темные волосы были уложены в сложный, идеальный архитектурный узел на затылке, открывающий чистую линию подбородка. Макияж — выверенная эстетика благородного нуара: фарфоровая бледность кожи, дымчатые стрелки и темные, цвета перспелой вишни губы.

Дверь гардеробной бесшумно скользнула в сторону.

Кирилл вошел, застегивая запонки на манжетах белоснежной рубашки из плиссированного хлопка.

На нем был безупречный черный смокинг с шелковыми шалевыми лацканами от старейших венских портных Knize, черная бабочка, завязанная вручную, и узкие классические брюки с лампасами. Смокинг идеально подчеркивал мощ-

ный размах его плеч и хищную грацию тела бойца. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, суточная щетина чисто сбрита, но холодный прищур серых глаз оставался взглядом человека, привыкшего убивать без колебаний.

В руках он держал старинный плоский футляр из черного бархата, извлеченный из тайного сейфа автомобиля.

Кирилл остановился за ее спиной.

В зеркале отразились две фигуры: опасный, монументальный хищник в черном и его статная, сапфировая королева. Воздух между ними мгновенно сгустился, наполнившись тяжелым, тягучим электричеством.

— Повернись ко мне, Агния, — тихо произнес он.

Она медленно повернулась, встречая его немигающий взгляд.

Кирилл открыл футляр сухим щелчком латунного замка. Внутри вспыхнуло ледяное пламя: кольцо из белого платинового золота сложного плетения, в центре которого сиял каплевидный бирманский сапфир чистейшей воды в окружении россыпи бриллиантов старой огранки.

— Это фамильная вещь Валленштейнов, — произнес он, и его голос звучал низко, с хриплыми бархатными нотами. — Подлинник восемнадцатого века. Чтобы войти во дворец Лихтенштейнов, ты должна выглядеть так, словно можешь купить всю их венскую аристократию вместе с их замками.

Он вынул украшение. Платина тихо звякнула в тишине комнаты.

Кирилл шагнул вплотную. Его высокая фигура накрыла ее своей тенью. Тепло его тела пробивалось сквозь ткань смокинга, смывая напряжение долгой дороги.

Он поднял руки, заводя кольцо за ее шею.

Холодные грани платины коснулись ее кожи у самого основания шеи, чуть выше медицинского биндажа. Контраст между ледяным металлом камней и обжигающим жаром пальцев Кирилла заставил Агнию судорожно вздохнуть, задержав воздух в легких.

Его пальцы не спешили застегивать карабин.

Медленно, с едва ощутимым нажимом, подушечки его пальцев скользнули вдоль обнаженной линии ее затылка, перебирая тонкие волоски, спускаясь к чувствительной точке за ухом. Прикосновение было властным, гипнотическим, полным немого мужского голода.

В зеркале их глаза встретились.

— Ты дрожишь, Соколовская, — прошептал он ей в самую макушку, обдавая ее запахом выдержанного табака и морозного ветивера.

— Я не дрожу, — выдохнула она, не отводя взгляда от его потемневших зрачков. — Это платина холодная.

— Лгунья, — усмехнулся он одними уголками губ.

Карабин кольцо щелкнуло, зафиксировав сапфировую петлю на ее шее.

Но Кирилл не убрал рук. Его ладони тяжело легли на ее обнаженные лопатки, притягивая ее тело к себе. Сапфиро-

вый шелк ее платья натянулся, когда она ощутила бешеный, четкий ритм его сердца, ударявший прямо в ее грудь.

Он наклонился. Его губы коснулись ее губ — коротко, жадно, сокрушительно, с привкусом адреналина и горького шоколада. Поцелуй хищников перед броском на добычу.

— Ты выглядишь как королева, идущая на казнь своих врагов, Агния, — выдохнул он в ее приоткрытый рот.

— Именно так я себя и чувствую, Кирилл, — ответила она, и в ее ореховых глазах блеснула чистая, ядовитая сталь. — Пора на охоту.

Дворец Лихтенштейнов на Фюрстенгассе сиял тысячами огней, отражавшихся в мокром мраморе парадного подъезда.

Барочный шедевр начала восемнадцатого века, окруженный вековым парком с коваными решетками, принимал сливки закрытого европейского бомонда. Подъездная аллея была забита черными лимузинами посольств, бронированными «Роллс-Ройсами» и винтажными «Бентли».

На входе действовал беспрецедентный протокол безопасности аукционного дома *Dorotheum*: сотрудники австрийской контрразведки и вооруженная охрана в черных смокингах с микронаушниками сканировали гостей портативными детекторами. Оружие исключалось полностью — даже дипломатические паспорта не освобождали от тотального контроля.

Кирилл и Агния прошли контроль безупречно.

Никакого металла. Единственным оружием Кирилла были его кулаки, а единственным арсеналом Агнии — микро-скопический зашифрованный считыватель данных с NFC-чипом, замаскированный под золотую пудреницу в ее вечернем сапфировом клатче.

Они вошли в Большой зал приемов.

Пространство подавляло циклопической имперской роскошью: грандиозные плафоны кисти Андреа Поццо на тридцатиметровой высоте, позолоченная лепнина, хрустальные люстры весом в две тонны и звуки живого струнного квартета, исполнявшего Моцарта. Около трехсот человек — потомственные австрийские аристократы, швейцарские банкиры, арабские шейхи и чиновники Еврокомиссии — неспешно потягивали шампанское Dom Pérignon из хрустальных бокалов, обсуждая котировки и лоты.

Появление пары вызвало мгновенную, едва уловимую волну внимания.

Граф и графиня фон Валленштейн двигались сквозь залу с той безупречной, ледяной грацией, которая выдавала высшую породу. Сапфировое кольцо на шее Агнии вспыхивало искрами в свете софитов, но еще ярче сияла ее абсолютная, не знающая сомнений надменность.

— Объект на три часа, — тихо, не разжимая губ, произнес Кирилл, принимая с подноса официанта два бокала шампанского.

Агния едва заметно скользнула взглядом в сторону Малой

галереи.

Возле бронированной стеклянной витрины, где на черном бархате была выставлена историческая сапфировая парюра Марии Терезии, стоял барон Максимилиан фон Штейн.

Шестидесятилетний банкир выглядел монументально. идеальный смокинг, платиновая цепочка карманных часов, монокль в золотой оправе и орденская лента на лацкане. Он вел неторопливую беседу с послом Лихтенштейна, лениво покручивая бокал в холеных пальцах.

— Я беру его на себя, — шепнула Агния. — Держи периметр.

— Две минуты, Соколовская, — отозвался Кирилл, и его пальцы на секунду сжали ее талию. — Если он дернется к охране — я сломаю ему шею прямо под этим Моцартом.

Агния подошла к витрине плавным, скользящим шагом.

Она остановилась в полуметре от банкира, сделав вид, что с восхищением разглядывает старинные сапфиры под стеклом. Свет софитов падал на ее лицо, выхватывая идеальные линии скул и холодный блеск камней на ее шее.

— Кашмирские сапфиры королевского синего цвета, — произнесла она на безупречном, аристократическом немецком языке с легким венским прононсом. — Огранка подушкой, полное отсутствие термической обработки. Редкая чистота для конца восемнадцатого века. Не правда ли, барон? Фон Штейн медленно повернул голову.

Его взгляд скользнул по ее сапфировому платью, поднял-

ся к колье на ключицах и замер на ее лице. В глазах старого аристократа вспыхнул неподдельный интерес ценителя редких шедевров: — Вы обладаете безупречным вкусом, мадам... графиня фон Валленштейн, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, барон, — Агния одарила его тонкой, ледяной улыбкой, повернувшись вполоборота. — Однако истинная ценность этого лота заключается вовсе не в чистоте кашмирских корундов.

Фон Штейн прищурился, поправив монокль: — Вот как? И в чем же, по-вашему, ее ценность?

Агния сделала полшага ближе. Ее голос стал тише, упав до едва слышного, вкрадчивого шепота, но каждое слово разрезало пространство, как скальпель: — В транзитной комиссии банка *LGT* в Вадуце, господин банкир. Ровно три процента за конвертацию шестидесяти миллионов евро из теневого фонда Совета Безопасности России.

Бокал в холеных пальцах фон Штейна мелко, судорожно вздрогнул.

Капля золотистого шампанского сорвалась с края хрустала и упала на белоснежный манжет его сорочки. Лицо барона стремительно потеряло оливковый лоск, став серым, как пепел сигары.

— Что... что вы себе позволяете, сударыня? — прошипел он по-немецки, но голос предательски сорвался на фальцет.

— Я позволяю себе профессиональный аудит, Максимилиан, — перейдя на кристально чистый русский язык,

негромко произнесла Агния, глядя ему прямо в расширившиеся зрачки. — Субсчет номер 8814 в Вадуце. Кодовое слово: «Альтаир-Норд». Генерал армии Барышев перевел шестьдесят миллионов два часа назад. Вы планировали закрыть фиктивную покупку этих сапфиров во время третьего удара молотка, чтобы легализовать транш на подкуп судей в Москве.

Фон Штейн задохнулся. Он судорожно оглянулся по сторонам, ища глазами свою охрану: — Кто вы такая?!

— Соколовская Агния Андреевна, — отчеканила она с ледяным превосходством. — Единственный законный владелец активов, на которые наложил лапу ваш генерал.

Она указала глазами на массивные дубовые двери в дальнем конце галереи: — В закрытой библиотеке вас ждет мой супруг. У вас есть ровно шестьдесят секунд, барон. Либо вы проходите туда без лишнего шума, либо через две минуты финансовая полиция Австрии положит вас лицом в этот мраморный пол по запросу военной контрразведки. Выберите: позорный арест перед всей Веной или разговор наедине.

Фон Штейн судорожно сглотнул, бросил взгляд на витрину с сапфирами, затем на холодные глаза девушки, и, поправив пиджак дрожащими руками, молча зашагал к дверям библиотеки.

Библиотека Дворца Лихтенштейнов напоминала готический собор мысли: двухъярусные дубовые стеллажи, вме-

щавшие тридцать тысяч томов старинных фолиантов, кованые винтовые лестницы, высокие витражные окна, выходящие в ночной парк, и массивный антикварный стол из черного дерева под бронзовым торшером.

Внутри царил полумрак и абсолютная, глухая звукоизоляция.

Едва фон Штейн переступил порог, как тяжелая дубовая створка захлопнулась за его спиной с глухим щелчком засова.

Из тени стеллажей бесшумно шагнул Кирилл.

Барон даже не успел вскрикнуть.

Широкая ладонь Северского метнулась вперед железным захватом, намертво перехватив горло банкира. Единым слитным движением Кирилл приподнял шестидесятилетнего аристократа над полом и с глухим стуком впечатал его спиной в массивный антикварный стол.

Монокль фон Штейна со звоном отлетел на ковер, цепочка карманных часов оборвалась.

— Тише, барон, — ледяным шепотом произнес Кирилл, нависая над хрипящим австрийцем. Его серые глаза в полумраке казались двумя черными колодцами. — Не портите вечер венской элите.

— К-кто... вы?.. — прохрипел банкир, судорожно вцепившись пальцами в железное запястье Кирилла.

— Тот, чью семью твой покровитель Барышев сжег заживо двенадцать лет назад, — Северский чуть ослабил хватку,

позволяя старику сделать судорожный вдох. — Мастер-токен от счетов «Альтаира». Живо.

Фон Штейн дрожал всем телом. Вся спесь потомственного барона испарилась без следа. Он видел перед собой человека, который убьет его за долю секунды и не поморщится.

— В... во внутреннем кармане... — задыхаясь, просипел банкир. — Черный кожаный футляр...

Агния подошла к столу, расстегнула лацкан смокинга барона и извлекла плоский футляр.

Внутри лежал аппаратный криптографический ключ швейцарской разработки — титановый токен с жидкокристаллическим экраном и динамическим генератором кодов доступа к приватным клиринговым шлюзам Лихтенштейна.

Агния раскрыла свой вечерний клатч, достала портативный терминал размером со смартфон, соединила устройства кабелем и приложила палец к биометрическому сенсору.

На экране терминала побежали зеленые строки авторизации.

— База открыта, — ее голос звучал чисто и беспощадно. — Счета траста *Austro-Nordic Capital*. Баланс: восемьдесят четыре миллиона евро.

Она посмотрела на побледневшего банкира: — Авторизуйте команду экстренной встречной блокировки по протоколу FATF, барон. Сейчас же.

— Если я заблокирую счета... Барышев уничтожит меня! — взмолился старик, глядя на Кирилла со слезами на глазах.

— Вы не понимаете, кто он такой! Он генерал армии! У него частные военные компании по всему миру!..

Кирилл нажал пальцами на его горло чуть сильнее, перекрывая доступ кислорода: — Барышев далеко в Москве. А я здесь. Выбирай, фон Штейн: умереть от удушья прямо на этом столе или нажать кнопку.

Банкир судорожно кивнул, синяя лицом.

Кирилл поднес его палец к сканеру токена.

Pun.

Экран терминала вспыхнул алым цветом: «*PROTOCOL APPLIED. All assets of Austro-Nordic Capital (€84,200,000.00) FROZEN by Compliance Directive. Transaction cancelled*».

Транш в шестьдесят миллионов евро был уничтожен. Финансовое сердце картеля Барышева в Европе перестало биться.

Кирилл разжал пальцы.

Фон Штейн мешком сполз со стола на колени, судорожно хватая ртом воздух, растирая помятое горло: — Я отдал вам все... Господи... Отпустите меня... Я уеду в Аргентину, я исчезну!..

ВЖ-Ж-Ж-ИХ!

Звук был коротким, сухим, похожим на хлопок лопнувшего хлыста.

Тяжелое старинное витражное окно библиотеки разлетелось тысячами разноцветных граненых осколков.

Свинцовая пуля крупного калибра, выпущенная из снай-

перской винтовки с глушителем из темноты парка, вошла ровно в левый висок стоящего на коленях барона фон Штейна.

Голову банкира буквально разорвало на части.

Кровавые брызги и осколки черепа веером ударили по антикварному столу, залив подол сапфирового шелкового платья Агнии и ее туфли.

Тело аристократа беззвучно, неестественно переломилось и рухнуло на ковер в расползающуюся лужу багровой жижи.

Кирилл среагировал мгновенно, за долю секунды до второго выстрела.

Сбив Агнию с ног мощным броском корпусом, он впечатал ее на пол за массивную тумбу дубового стеллажа, накрывая ее своим телом и смокингом.

Дзынь! Дзынь!

Вторая и третья пули вспороли корешки старинных фолиантов над их головами, осыпав их хлопьями истлевшей бумаги и древесной щепой.

В главном зале дворца с треском погас весь свет.

Музыка струнного квартета оборвалась на высокой визгливой ноте. Секунду спустя парадные залы взорвались десятками истошных женских криков и грохотом падающих хрустальных бокалов.

Из коридора донеслись глухие, частые хлопки выстрелов автоматического оружия с глушителями.

В наушнике Кирилла, настроенном на сканирование экс-

тренных частот венской полиции, сквозь треск радиопомех прорвался чужой, русский голос с характерным армейским акцентом: *«Седьмой, объект "Банкир" зачищен. Начинаем зачистку дворца. Цели: Северский и Соколовская. Живыми не брать. Все выходы из парка блокированы группой "Браво". Повторяю: живыми не брать».*

Кирилл лежал на Агнии, тяжело дыша ей в висок.

Его лицо было перепачкано кровью убитого фон Штейна, но в серых глазах горело абсолютное, беспощадное спокойствие загнанного волка, принявшего бой.

Барышев предвидел венский след.

Генерал армии использовал своего банкира как наживку, чтобы заманить их в каменный мешок дворца Лихтенштейнов и уничтожить силами частной военной компании вдали от российских границ.

Агния лежала под ним, не шевелясь. Ее руки судорожно сжали лацканы его смокинга. На ее лице горели капли чужой крови, но в темных глазах не было паники — только ледяная готовность убивать.

Кирилл перекатился на бок, бесшумно подполз к телу мертвого барона, сунул руку под полу его пиджака и извлек из скрытой кобуры компактный австрийский «Глок-26». Проверил магазин: десять патронов. Загнал патрон в патронник с сухим щелчком.

Он вернулся к Агнии, рывком поднял ее на ноги и втолкнул в глубокую нишу за потайной винтовой лестницей биб-

лиотеки.

Двери зала библиотеки содрогнулись от первого удара тяжелого армейского ботинка снаружи.

Кирилл встал перед ней во весь рост, закрывая ее собой, и снял оружие с предохранителя.

Его губы тронула та самая страшная, волчья усмешка:
— Они пришли за нами, волчица. Держись за мной.

Глава 3. Кровь на барокко

Запах свежей артериальной крови в замкнутом пространстве библиотеки мгновенно вытеснил вековой дух старинной бумаги и воска.

Тело барона Максимилиана фон Штейна еще конвульсивно вздрагивало на персидском ковре. Тяжелая свинцовая пуля снайпера вынесла половину черепа австрийца сквозь разбитое витражное окно; осколки рубинового и изумрудного стекла хрустели под подошвами, перемешиваясь с кровавой жижей, которая толчками выплескивалась на сапфировый шелк вечернего платья Агнии.

Кирилл лежал на ней всем своим весом, вдавливая в прохладный наборный паркет за массивной тумбой двухъярусного дубового стеллажа.

Его дыхание было тяжелым, обжигающим, прерывистым. Левой рукой он намертво закрывал ее затылок, прижимая лицо девушки к своему смокингу, а в правой сжимал трофейный «Глок-26», снятый с пояса мертвого банкира.

Щелк! Дзынь!

Очередная пуля крупного калибра с глухим чавкающим звуком вспорола кожаный переплет фолианта XVIII века в полуметре над их головами. Облако желтоватой бумажной пыли и острых древесных щепок осыпалось на их плечи.

— Снайпер на крыше оранжереи в парке, — шепнул Ки-

рилл ей в самое ухо. В его голосе не было и тени паники — лишь ледяная, свирепая собранность. — Угол обстрела сектора «Б». Он держит окно. Сюда идут штурмовики.

Агния лежала неподвижно. Ее пальцы судорожно сжимали вечерний клатч, внутри которого лежал криптографический терминал с зафиксированной блокировкой восьмидесяти четырех миллионов евро.

Она не закричала. Она не попыталась смахнуть брызги чужой крови со своей щеки. После ночи в Алмазова и расстрела на Лиговке ее нервная система реагировала на смерть не ужасом, а концентрированной, расчетливой яростью.

— Сколько патронов? — коротко спросила она, глядя в его потемневшие глаза.

— Десять в магазине, один в патроннике, — Кирилл быстро проверил окно выброса гильзы. — Оружие ближнего боя. Нам нужен автоматический ствол.

В коридоре за закрытыми дубовыми дверями библиотеки слышались тяжелые, синхронные шаги — глухой стук армейских подошв с рифленным протектором.

Бах!

Створки содрогнулись. Петли затрещали под направленным кумулятивным зарядом накладного взрывателя.

Кирилл не стал дожидаться, пока дверь вылетит внутрь.

Он поднялся на одно колено, выставил пистолет двумя руками и дважды плавно нажал на спуск прямо сквозь массивную деревянную филенку в район предполагаемого грудного

треугольника первого нападающего.

Хлон! Хлон!

Глухие выстрелы компактного австрийского пистолета утонули в треске ломающегося дерева. С той стороны раздался короткий гортанный вскрик, звук падающего тяжелого тела и звон выроненного магазина.

Вторая створка распахнулась от удара ноги. В проеме возник силуэт штурмовика в глухом черном комбинезоне без шевронов, в тактическом шлеме с матовым забралом. Наемник вскинул укороченный пистолет-пулемет, но Кирилл уже сместился в сторону с хищной, скользящей скоростью бойца, разрывая дистанцию.

Третий выстрел Кирилла пришелся точно под срез забрала — в неприкрытый кевларом подбородок.

Боец мешком осел на пороге, судорожно заскреб пальцами по косяку и затих.

Северский метнулся к дверному проему единым слитным рывком. Схватив мертвого наемника за тактическую петлю бронежилета, он за три секунды втянул тело внутрь библиотеки, ногой захлопнув уцелевшую створку двери.

Его руки работали с автоматизмом армейского чистильщика: Он сорвал с разгрузки убитого компактный немецкий пистолет-пулемет SIG Sauer MPX с массивным глушителем, выдернул три снаряженных тридцатизарядных магазина, снял легкий подсумок с тактической аптечкой и забрал штурмовой нож с черным антибликовым лезвием.

— Чисто, — Кирилл загнал патрон в патронник МРХ с сухим металлическим лязгом и повернулся к Агнии: — Главный выход из зала отрезан. В парке работает снайперская пара. Если мы выйдем через парадную галерею — нас положат на лестнице.

Агния уже поднялась на ноги, отряхивая подол сапфирового платья от кирпичной крошки.

Она подошла к дальнему углу библиотеки, где за массивным стеллажом с каталогами венских аукционов угадывался неровный шов в деревянной обшивке стены: — Сюда, Кирилл.

Северский вскинул бровь: — Что там?

— Исторический винный подвал Лихтенштейнов, — ее голос звучал чисто и уверенно. — Я изучила поэтажный план дворца в архивах кадастра Вены перед выездом из Лугано. Под этой библиотекой находится технологический тоннель для бочек, построенный еще в конце семнадцатого века. Он соединяет главный дворец со старыми бродильнями в парковой зоне и выходит к ливневому коллектору Альзергрунда.

Она нащупала под резным плинтусом скрытый латунный рычаг и потянула его на себя.

Секция стеллажа с тихим скрипом отошла в сторону, открывая черную пасть узкой каменной винтовой лестницы, уходящей вниз, во тьму. Из проема пахло вековой сыростью, плесенью и кислым холодом погребов.

— Ты гений, волчица, — Кирилл втолкнул ее в темный

проем, шагнул следом и захлопнул потайную дверь изнутри, заперев ее массивным чугунным засовом.

В Большом барочном зале наверху царил хаос.

Сквозь полутораметровые каменные своды до них доносились приглушенные женские крики, вой пожарной тревоги и звон разбивающегося венецианского стекла.

Европейская финансовая элита, еще пятнадцать минут назад неспешно обсуждавшая котировки под звуки Моцарта, в панике ломилась к парадным выходам дворца, сметая на своем пути антикварные столики и шелковые ширмы. Наемники картера не могли открыть неизбирательный огонь из пулеметов посреди дипломатического корпуса — присутствие послов Франции и Лихтенштейна связывало им руки, заставляя работать точно, с глушителями.

Кирилл и Агния спускались по каменным ступеням винтовой лестницы в абсолютной тьме.

Кирилл шел впереди, держа МРХ наизготове, подсвечивая путь узким лучом подствольного диодного фонаря. Свет выхватывал грубую кладку из темно-красного кирпича, поросшую серым мхом, и капли конденсата, срывавшиеся с потолка.

Катакомбы под дворцом напоминали бесконечный лабиринт сводчатых галерей.

Вдоль стен правильными рядами высились гигантские дубовые бочки высотой в два человеческих роста, скрепленные ржавыми железными обручами. Пол под ногами был вымо-

щен неровным булыжником, покрытым слоем вековой сырой пыли. Воздух здесь был ледяным, застоявшимся, пахнущим винным камнем и землей.

Агния шла следом, придерживая подол длинного платья здоровой рукой. Каждый шаг на тонких двенадцатисантиметровых каблуках по скользким камням отдавался тупой болью в раненой ключице, но она даже не замедлила темп.

Внезапно Кирилл резко остановился и выключил фонарь.

Пространство погрузилось в черную, густую тишину.

Он прижал Агнию спиной к влажной кирпичной кладке между двумя огромными бочками, прикрыв ее корпус своим телом.

Его дыхание было тяжелым, горячим, пахнущим порохом и адреналином. Ладонь Северского — широкая, жесткая, испачканная сажей — легла на ее щеку, осторожно стирая засохшую каплю крови барона фон Штейна.

— Ты ранена? — прошептал он ей прямо в губы.

— Нет, — выдохнула она, чувствуя, как бешеный ритм его сердца отдается в ее груди. — Это кровь банкира.

Кирилл провел пальцами по ее шее, нащупал край сапфирового кольца, затем скользнул ладонью к ее левому плечу, проверяя плотность бандажа. Ткань держалась, но под пальцами ощущался жар воспаленной кожи.

— Держись за мной, Агния, — его голос стал тише, приобретая ту самую пугающую, собственническую глухоту, от которой по ее телу пробежала дрожь. — Еще пятьсот метров

под землей. Мы выйдем в парк, заберем машину и уйдем на восток. Никто не прикоснется к тебе, пока я дышу.

Агния перехватила его запястье, накрывая пальцами старые шрамы от ожога на его предплечье.

— Я не отстану, Кирилл, — произнесла она с ледяной, негибимой решимостью. — Заставь их заплатить за каждый патрон, который они привезли в этот город.

Северский коротко, с сокрушительной силой прижал ее к себе, обжег ее губы быстрым, властным поцелуем и снова вскинул оружие.

Впереди, за поворотом центральной винной галереи, блеснул рассеянный синеватый свет.

Кирилл пригнулся, выглядывая из-за края кирпичного пилона.

В тридцати метрах впереди коридор упирался в массивный дренажный шлюз — кованую решетку ливневого коллектора, отделявшую княжеские погреба от старого хозяйственного двора парка Лихтенштейнов.

Решетка была заперта снаружи на амбарный замок.

А перед ней, контролируя сектор выхода, стояли двое.

Бойцы частной военной компании расположились грамотно, перекрывая перекрестным огнем единственный проход. На их шлемах тускло светились монокуляры тепловизионных приборов, укороченные автоматы были направлены в темноту тоннеля.

Пробиться в лоб без бронежилета против двух стрелков с

тепловизорами на узкой дистанции было чистым самоубийством.

Агния осторожно заглянула из-за плеча Кирилла.

Ее цепкий, сканирующий взгляд мгновенно выхватил деталь, которую не заметил военный: Прямо над головами наемников, вдоль сводчатого потолка, проходила старая чугунная труба технологической вентиляции бродильных чанов. На стыке трубы, всего в метре от них, ржавел массивный латунный запорный вентиль с надписью: «*CO₂ Ablass / Аварийный сброс углекислого газа*».

Винные подвалы Вены до сих пор использовали систему принудительного отвода тяжелого углекислого газа из подземных резервуаров.

Агния тронула Кирилла за плечо, указав пальцем на вентиль, а затем на тяжелый кованый железный крюк для перекатки бочек, валявшийся у стены.

Северский мгновенно понял замысел.

Углекислый газ — холодный, плотный, невидимый глазом — при резком выбросе создавал термическую подушку, которая мгновенно ослепляла инфракрасные матрицы тепловизоров, превращая экран прибора в сплошное белое пятно.

Кирилл бесшумно поднял тяжелый полутораметровый железный крюк.

— На счет три, — одними губами выдохнул он.

Агния кивнула, отступая на шаг назад и закрывая нос и рот плотным шелком своего подола.

Раз. Два. Три.

Кирилл вылетел из-за пилона единым, сокрушительным движением.

Вложив всю массу своего тела в удар, он с размаху обрушил кованый крюк на латунный шток вентиля.

БА-БАХ!

Старый металл срезало как бритвой.

Из разорванной трубы с оглушительным шипящим ревом вырвалась струя сжатого, ледяного углекислого газа под давлением в двенадцать атмосфер. Густое, белесое облако конденсата мгновенно заполнило пространство коридора, поползло по полу тяжелым туманом, сбивая температуру в отсеке до нуля градусов.

— Контакт! Ослеплен, тепловизор перегружен! — заорал один из наемников на чистом русском языке, срывая шлем с головы.

Это была их последняя ошибка.

Кирилл шагнул сквозь стену газа, ведя огонь вслепую по звуку голосов.

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

Одиночные выстрелы SIG Sauer MPX с глушителем прозвучали сухими, частыми хлопками.

Первый боец рухнул на спину с пробитой грудью, выпустив беспорядочную очередь в каменный свод. Пули выбили кирпичную крошку, осыпавшую пол.

Второй наемник — рослый, широкоплечий славянин лет

сорока с перебитым носом — успел отбросить бесполезный автомат и выхватил штурмовой нож, бросившись на Кирилла с оскалом матерого рукопашника.

Лезвие ножа свистнуло в сантиметре от горла Северского, распоров шелковый лацкан его смокинга.

Кирилл не стал отступать. Перехватив вооруженную руку противника в жесткий блок, он ударил наемника стволом пистолета-пулемета в челюсть, ломая зубы, провел подсечку и с чудовищной силой впечатал его затылком в ржавую решетку ливневого шлюза.

Кованое железо загудело.

Кирилл наступил коленом на грудь сбитого с ног бойца, вдавливая дуло оружия в его открытый рот: — Звук — и ты сдохнешь, — ледяным шепотом отчеканил Северский.

Наемник захрипел, сплевывая кровавую пену. Его глаза полезли на лоб от боли и животного ужаса.

Агния подошла неслышно, держа в руках снятый с первого убитого тактический планшет связи.

Кирилл вынул ствол из его рта, приставив дуло к переносице: — Кто отдал приказ на ликвидацию во дворце? Чья ЧВК? Отвечай, мразь, у тебя три секунды.

Наемник судорожно сглотнул кровь, глядя на татуировку парашютного десанта на своем собственном запястье: — «Цитадель»... ЧВК «Цитадель»... База в Ростове...

— Кто куратор операции?

— Генерал Барышев... лично... — хрипел боец, дрожа от

холода. — Нам приказали зачистить банкира и забрать токен... Вас приказано уничтожить на месте, тела сжечь в термитной печи... В парке группа «Браво», шесть человек...

Кирилл не стал задавать лишних вопросов.

Короткий, резкий удар рукоятью оружия в висок наемника отправил того в глубокий нокаут.

Подобрав с пояса оглушенного бойца тяжелые гидравлические кусачки, Северский в два движения перекусил дужку амбарного замка на решетке.

Тяжелая железная створка скрипнула, распахиваясь в ночь.

Они вырвались в темный парк Дворца Лихтенштейнов под проливной ноябрьский ливень.

Холодная вода мгновенно смыла с их одежды известковую пыль и запах пороха. Вдали, у парадного фасада дворца, выли сирены десятков полицейских экипажей, синие проблесковые маяки разрезали пелену дождя, но здесь, в глубине вековых дубовых аллей, стояла глухая, спасительная темнота.

Пригибаясь под ветвями деревьев, они пересекли гравийную дорожку и добрались до чугунной кованой ограды, отделявшей парк от жилого квартала Альзергрунд.

Кирилл подсадил Агнию, перебросив ее через двухметровые пики забора, затем легко перемахнул сам, бесшумно приземлившись на мокрый асфальт тихой Лихтенштайнштрассе.

В ста метрах, на неприметной муниципальной парковке

между старыми доходными домами, стоял темно-синий универсал Audi RS6.

Они сели в салон.

Двери захлопнулись с герметичным звуком, отрезав шум ливня и сирен.

Кирилл повернул ключ зажигания. Шестисотсильный би-турбированный V8 ожил с низким, утробным рыком. Универсал мягко сорвался с места, выскочил на пустую набережную Донауканала и растворился в потоке редких ночных машин, уходя на юго-восток — прочь из оцепленной австрийской столицы.

Полночь застала их на скоростном автобане А6, ведущем к словацкой границе.

Дорога была пустынной. Дождь хлестал по лобовому стеклу, стрелка спидометра замерла на отметке двести километров в час. Австрийская полиция перекрывала столичный аэропорт Швехат и центральный вокзал Вены, но сообщение со Словакией оставалось открытым: граница внутри Шенгенской зоны проходила без стационарного паспортного контроля.

В салоне стоял запах мокрой шерсти, крови и остывающего кофе.

Агния сидела на пассажирском сиденье, подключив трофейный тактический планшет командира наемников к своему армейскому «Панасонику» через экранированный кабель.

Ее лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени, но взгляд ореховых глаз оставался прикован к строкам дешифровки закрытого радиоканала ЧВК «Цитадель».

Внезапно экран планшета вспыхнул тревожным, пульсирующим алым светом.

ПИП! ПИП! ПИП!

Высокочастотный звуковой сигнал разорвал тишину салона.

В окне защищенного мессенджера развернулось экстренное сообщение с высшим грифом секретности, отправленное с правительственного узла спецсвязи Совета Безопасности РФ в Москве.

Сообщение было подписано личным цифровым сертификатом: **Генерал армии В.С. Барышев.**

Агния замерла, вчитываясь в текст:

«Командиру группы “Вена-1”.

Статус операции: ПРОВАЛ. Блокировка счетов траста подтверждена финансовым мониторингом.

Активировать протокол “Омега”. Центр тяжести переносится на территорию Российской Федерации.

Северский и Соколовская должны понять цену своей дерзости».

К сообщению были прикреплены два потоковых видео-файла в высоком разрешении, передаваемые в реальном времени через закрытый спутниковый канал.

Агния нажала на первый файл.

На экране развернулась ночная картинка с инфракрасной камеры наружного наблюдения: Закрытый загородный реабилитационный центр под Выборгом — тот самый медицинский комплекс, где в изолированной палате содержался раненый Марк.

Территория клиники была оцеплена четырьмя бронированными микроавтобусами без номеров.

На крыльце лежали связанные охранники фонда «Север Ассетс».

В следующем кадре двое бойцов в черном камуфляже вытаскивали упирающегося, забинтованного Марка из палаты во внутренний двор, приставив ствол пистолета к его затылку.

Пальцы Агнии судорожно сжались на корпусе планшета. Дыхание перехватило.

Она открыла второй файл.

Картинка сменилась: Портовый комплекс Усть-Луга. Ноябрьский залив, огни порталых кранов.

Центральный терминал сжиженного природного газа, принадлежащий фонду Кирилла.

Шесть массивных сферических резервуаров емкостью по пятьдесят тысяч кубометров каждый. Вокруг технологических опор резервуаров работали саперы в черной форме: на трубопроводах высокого давления уже были закреплены армейские заряды пластида С-4 с радиоуправляемыми взрывателями.

Таймер на экране детонатора отсчитывал обратное время:
20:44:12.

Снизу под видео бежала финальная директива генерала Барышева:

«Ультиматум гражданам Северскому К.А. и Соколовской А.А.:

Вам надлежит лично явиться на международный автомобильный пункт пропуска “Торфяновка” (российско-финляндская граница) до 21:00 завтрашнего дня, 24 ноября.

Условия: 1. Передача оригиналов всех архивов Воронова и разблокировка австрийских счетов. 2. Полная безоговорочная явка с повинной.

В случае неявки либо попытки привлечения третьих лиц: Терминал в Усть-Луге будет подорван. Ущерб составит три миллиарда долларов с экологической катастрофой в Финском заливе. Заложник Соколовский М.А. будет ликвидирован в прямом эфире.

Время пошло».

Связь оборвалась. Экран погас.

В салоне Audi воцарилась гробовая, леденящая тишина.

Машина как раз пересекала границу Австрии и Словакии у пропускного пункта Берг. За окнами в темноте вспыхнули золотые огни спящей Братиславы, мост через Дунай и замок на скале.

Европа была открыта перед ними. Они могли повернуть на юг — в Италию, уйти в нейтральные юрисдикции, раство-

ряться с миллионами в Латинской Америке или Азии.

Но генерал Барышев знал, куда бить.

Он не стал гоняться за волками по альпийским перевалам. Он ударил по их дому, по их людям, по их земле, заставляя хищников вернуться в капкан на его собственных условиях.

Кирилл медленно сбросил скорость, съехал на обочину у съезда на объездную дорогу Братиславы и заглушил двигатель.

В темноте салона слышно было только, как остывает турбина и как капли дождя монотонно стучат по панорамной крыше.

Северский медленно повернул голову к жене.

Его лицо казалось высеченным из черного базальта. В серых глазах больше не было усталости — там пульсировала та самая первобытная, не знающая пощады тьма, которая выжигала города.

— Торфяновка, — глухо произнес он. — Завтра в девять вечера.

Агния посмотрела на свои пальцы. На ее шее тускло мерцало сапфировое кольцо, на подоле платья запеклась кровь венского банкира, но в ее взгляде не было и тени сомнения.

Она не станет плакать по брату, который пытался ее зарезать.

Она не станет дрожать перед генералом армии, превратившим ее жизнь в пепелище.

Она была Соколовской. Женщиной, которая сожгла про-

шное и приняла власть над тьмой своего мужа.

— До Торфяновки тысяча восемьсот километров через Польшу и Прибалтику, — ее голос прозвучал чисто, ровно и беспощадно. — Если мы пойдем через закрытые коридоры Селезнева, мы будем на границе к пяти часам дня.

Она повернулась к нему, положив здоровую ладонь на его тяжелое плечо: — Он ждет сломленных беглецов с повинной головой, Кирилл.

Северский накрыл ее пальцы своей горячей рукой, и на его губах появилась смертоносная, волчья усмешка:

— Он получит войну, Агния. Заводи мотор. Мы возвращаемся домой.

Глава 4. Транзит через бездну

Запах сырого речного ила и холодного дизеля в промзоне Братиславы вытеснил пороховой угар венской бойни.

Мутные воды Дуная с глухим плеском разбивались о ржавые сваи причала. В полуразрушенном грузовом ангаре логистического терминала горела одиночная тусклая лампа под закопченным плафоном. Дождь барабанил по профилированному железу крыши с монотонным, гипнотическим шумом.

Кирилл загнал темно-синий универсал Audi RS6 в глубину пустого сорокафутового морского контейнера с маркировкой черноморской судоходной линии.

Двигатель заглох. Металлический капот тихо потрескивал, остывая после безумной гонки по австрийскому автобану.

Северский захлопнул тяжелые створки контейнера, навесил таможенную пломбу и повернулся к Агнии.

— К утру контейнер уйдет баржей вниз по реке в сторону румынской Констанцы, — отчеканил он, вытирая ладонь от мазута ветошью. — Австрийская полиция и агенты картеля будут искать эту машину в портах Черного моря еще двое суток. Мы разорвали след.

Агния стояла у массивного капота второго автомобиля, ожидавшего их в ангаре, — тяжелого черного внедорожника

BMW X5 в бронированном исполнении Security Plus с толстыми пятисантиметровыми стеклами и усиленной защитой днища. На бамперах висели синие дипломатические номера словацкого консульского корпуса, извлеченные из резервного схрона фонда.

Она уже скинула вечернее платье.

Испачканный кровью барона фон Штейна сапфировый шелк валялся на бетонном полу, срезанный штурмовым ножом прямо по швам.

Вместо него Агния натянула черное термобелье, плотный тактический лонгслив из ткани рипстоп и армейские брюки, заправленные в высокие штурмовые ботинки с жесткой фиксацией голеностопа. Раненое плечо туго стягивал свежий эластичный бандаж.

Ее лицо было бледным, заострившимся, но в темных ореховых глазах горела сухая, расчетливая сталь.

Кирилл подошел к ней вплотную.

Его пальцы, пахнущие оружейной смазкой и морозной ночью, скользнули во внутренний карман его куртки. Он извлек старинное сапфировое кольцо Валленштейнов — единственное, что они унесли с разгромленного аукциона. Платина вспыхнула холодными синими искрами в тусклом свете лампы.

— Аварийный золотой запас, — произнес он, зашивая драгоценность в потайную подкладку ее походного рюкзака. — Если на границе нас разделят... три миллиона евро налич-

ными у любого ростовщика в Риге или Таллине.

Агния перехватила его руку, сжав крепкие пальцы: — Нас не разделят, Кирилл. Ни на границе. Ни в Москве.

Северский замер, вглядываясь в ее лицо. В полумраке ангара его серые глаза казались двумя раскаленными клинками. Он коротко, жестко прижал ее к своей груди, обжег губы поцелуем с привкусом железа и отстранился: — В машину. Таймер Барышева уже тикает.

В половине четвертого утра польская трасса S8 в направлении Варшавы встретила их сплошной, слепящей стеной мокрого снегопада.

Колеса тяжелого внедорожника вспарывали снежную кашу на скорости сто восемьдесят километров в час. Справа и слева в белом буране слепыми громадами проносились бесконечные колонны транзитных фур. Кирилл вел машину на грани физических возможностей техники: трехлитровый дизель с двумя турбинами был на пределе оборотов, система курсовой устойчивости непрерывно отщелкивала тормозными колодками на обледенелых виражах.

На коленях Агнии светился защищенный экран армейского «Панасоника».

В салоне стоял мерный гул вентилятора охлаждения процессора и шум радиопомех. Агния работала без перерыва четвертый час подряд, покачиваясь в такт броскам машины на стыках бетонных плит.

— Я вскрыла видеопоток с камер терминала в Усть-Луге,

— нарушила она тишину.

Кирилл бросил короткий взгляд на экран, не сбавляя ход перед затяжным обгоном автопоезда: — Что там по зарядам?

— Шесть сферических резервуаров сжиженного метана на восточном пирсе, — Агния приблизила стоп-кадр ночной съемки, сделанной наемниками ЧВК «Цитадель». — На фланцах запорной арматуры установлены армейские фугасы направленного действия. Пластид С-4, блоки по пятнадцать килограммов на каждом узле. Это гарантированная цепная детонация трехсот тысяч кубометров газа.

Она увеличила изображение электронного блока управления взрывом: — Взрыватели — армейские радиомодули «Вьюга-М». Новейшая разработка тульского КБ. Плавающий кодовый ключ, шифрование по закрытому военному ГОСТу. Барышев управляет ими через защищенный спутниковый ретранслятор командного пункта Совета Безопасности.

Кирилл сжал зубы так, что на скулах заходили желваки: — Детонаторы можно заглушить дистанционно?

— Можно, — Агния быстро пробежала пальцами по клавиатуре, открывая дизассемблированный код прошивки, найденный в архивах Воронова. — Воронов хранил резервные мастер-ключи от этой партии на случай шантажа генерала. У меня есть шестнадцатизначный аварийный код отбоя. Но есть критическая уязвимость.

— Какая?

— Частотный барьер, — она подняла на него глаза. — Приемные антенны «Вьюги» защищены от внешних помех узконаправленным экраном. Чтобы сигнал отмены перебил команду на подрыв, радиопередатчик должен находиться в радиусе не более полутора километров от резервуаров. Если мы на границе в Торфяновке, а терминал взрывают в Усть-Луге... физика против нас. Сигнал с границы не добьет через залив.

Северский не ответил сразу.

Его взгляд буравил белую метель за лобовым стеклом.

— Значит, мы заставим Барышева перенести точку подрыва прямо на нас, — ледяным шепотом произнес он. — Он хочет крови? Он получит ее в прямом эфире.

В девять часов утра серый предрассветный свет едва пробивался сквозь кроны вековых сосен на заброшенной советской ракетной базе в лесах под литовским Каунасом.

Полуразрушенный бетонный капонир, где когда-то стояли тягачи стратегических ракетных комплексов, пах сырым мохом, ржавчиной и застарелым мазутом.

Внедорожник замер в глубине бункера.

Техническая пауза — ровно тридцать минут на заправку из металлических канистр, припрятанных в багажнике, и смену повязок.

Агния сидела на опущенном борту багажного отсека, бесильно откинув голову на обшивку.

Откат после ночной гонки обрушился на нее с чудовищ-

ной силой. Каждый вдох отдавался острой, ноющей болью: постоянная тряска на скорости сорвала хирургические пластыри на ключице, и черная ткань лонгслива на левом плече потемнела от свежего, липкого пятна крови. Ее колотило крупной дрожью от переохлаждения и адреналинового истощения.

Кирилл захлопнул горловину топливного бака, бросил пустую канистру в угол капонира и подошел к ней.

Увидев темное пятно на ее плече, он замер.

В его серых глазах вспыхнула такая свирепая, дикая боль пополам с яростью, что воздух в холодном бункере словно застыл.

Он молча опустился перед ней на колени.

Его пальцы — испачканные гарью и соляжкой — осторожно, с пугающей, дрожащей нежностью разрезали ткань термобелья медицинскими ножницами.

Рана воспалилась. Края рассеченной кожи разошлись, тонкая струйка крови стекала по белизне ключицы к груди.

Кирилл достал флакон с обезболивающим раствором и ампулу с гемостатическим порошком.

— Потерпи, волчица, — хрипло выдохнул он.

Агния зажмурилась, вцепившись здоровой рукой в его широкое плечо.

Антисептик ударил по разорванной плоти раскаленным железом. Она судорожно втянула воздух сквозь зубы, но не издала ни звука, лишь судорожно сжав пальцы на ткани его

куртки.

Кирилл сыпал порошок на кровоточащую борозду, стягивая края кожи свежими стерильными стрипами. Его руки — руки человека, ломавшего кости наемникам полчаса назад во дворце Вены, — действовали с аккуратностью хирурга.

Завершив перевязку тугим компрессионным бинтом, он не встал с колен.

Он остался сидеть перед ней на сыром бетонном полу, прижавшись лбом к ее здоровому колену. Его широкие плечи мелко, едва заметно вздрагивали от застарелого бешенства.

— Я уничтожу его, Агния, — его голос звучал глухо, как рокот приближающегося обвала. — Я вырву Барышеву глотку собственными руками за каждую каплю твоей крови. Я клянусь тебе памятью отца.

Агния медленно подняла правую руку.

Ее пальцы коснулись его жестких темных волос, скользнули к затылку, заставляя поднять голову.

Она посмотрела прямо в его налитые кровью, измученные глаза: — Не смей терять холодную голову, Кирилл. Слышишь меня?

Она наклонилась ближе, обдавая его лицо горячим дыханием: — Барышев ждет взбесившегося зверя. Он рассчитывает, что ты бросишься на амбразуру в Торфяновке, ослепленный мстостью за меня и за порт. Но мы зайдем туда не как жертвы. Мы зайдем как палачи. Посмотри на меня.

Кирилл впился взглядом в ее ореховые глаза.

В них не было ни капли сомнения. Была абсолютная, несокрушимая воля женщины, которая приняла бой на уничтожение.

Северский глухо застонал, подался вперед и накрыл ее губы своими губами.

Поцелуй среди бетонной сырости полуразрушенного ракетного бункера был яростным, сухим, полным вкуса соли, пороха и нерушимой клятвы стоять до конца.

Они были готовы к финалу.

В половине пятого вечера скоростной паромный лайнер *Megastar*, следовавший по маршруту Таллин — Хельсинки, причалил к терминалу Западного порта финской столицы.

Благодаря дипломатическому коридору словацкого консульства черный BMW X5 сошел с аппарели парома без таможенного досмотра, мгновенно растворившись в потоке транспорта на объездной трассе Kehä I.

Впереди лежала скоростная автомагистраль E18, уходящая на восток — через Порвоо, Котку и Хамину прямо к границе с Россией.

На подъезде к приграничному городку Ваалимаа в салоне внедорожника ожил портативный квантовый радиомодем закрытой правительственной связи, настроенный на шифр Департамента военной контрразведки.

Агния нажала клавишу приема.

В динамике раздался тяжелый, прокуренный голос гене-

рал-майора Селезнева, перекрываемый глухим гулом штабных вертолетов: — Северский? Соколовская? Доложите координаты.

— Пятнадцать километров до финского пункта пропуска Ваалимаа, — отчеканил Кирилл, глядя на указатели границы. — До дедлайна Барышева тридцать пять минут. Какая обстановка на Торфяновке, генерал?

Селезнев тяжело, прерывисто вздохнул: — Хуже некуда, Кирилл. Барышев развернул операцию прикрытия на федеральном уровне. Официальный пограничный наряд ФСБ на Торфяновке снят с полосы два часа назад специальным предписанием Совета Безопасности — якобы для «усиления антитеррористических мер». На полосе стоят наемники ЧВК «Цитадель». Три броневика «Тигр», пулеметные гнезда, снайперы на вышках. Любая попытка вооруженного прорыва будет расценена как нападение диверсионной группы.

— Где ваши люди? — спросила Агния.

— Моя сводная группа Управления «А» заблокирована на базе в Каменке, — сквозь зубы процедил генерал. — Барышев выставил кордоны военной полиции, перекрыв выезды под предлогом внезапной проверки боеготовности. Я не могу поднять вертолеты без риска прямого боестолкновения с частями Ленинградского военного округа. Вы одни, ребята.

— Нам не нужна армия, Селезнев, — жестко перебил Кирилл. — Курьер передал груз в Котке?

— Да. В ячейке камеры хранения на заправке Neste в Ва-

алимаа. Пин-код три-семь-ноль-один.

— Что внутри? — уточнила Агния.

— Экспериментальный комплекс радиоэлектронной борьбы «Купол-Мини» разработки концерна «Созвездие». Малогабаритный генератор заградительных помех на частотах военных радиовзрывателей. Радиус купола — ровно сто пятьдесят метров. Он глушит радиосигнал «Вьюги», но учтите: автономности аккумулятора хватит ровно на десять минут. Дальше блок сгорит от перегрева.

— Этого хватит, — отрезала Агния. — Держите связь открытой, генерал. Скоро на Старой площади будет очень шумно.

20:30 по московскому времени.

Международный автомобильный пункт пропуска «Ваалимаа — Торфяновка».

Финские пограничники пропустили черный BMW на дипломатических номерах за полторы минуты, подняв полосатый шлагбаум с сухим скандинавским спокойствием.

Внедорожник выехал на нейтральную полосу.

Впереди простиралась зона отчуждения — восемьсот метров мертвого, растрескавшегося асфальта, зажато между двумя рядами пятиметровых заборов с колючей проволокой типа «Егоза». Вокруг стояла глухая, первобытная тьма карельского леса. Ветер с Финского залива нес тяжелые заряды ледяной крупы, швыряя снег в лобовое стекло.

На противоположной стороне нейтральной полосы, у

закрытого стального шлагбаума российского КПП, царил мрак.

Стационарное освещение терминала было отключено.

Вместо привычных дежурных в зеленом пограничном камуфляже на полосе поперек движения стояли три тяжелых броневедомств «Тигр» матового черного цвета, лишенные каких-либо ведомственных номеров и опознавательных знаков.

На башнях броневедомств тускло поблескивали стволы крупнокалиберных пулеметов «Корд».

По периметру площадки, укрываясь за бетонными блоками, рассредоточились полтора десятка бойцов в штурмовых комбинезонах ЧВК «Цитадель». На их шлемах горели зеленые огоньки приборов ночного видения, лазерные целеуказатели снайперов на крыше таможенного терминала чертили тонкие невидимые линии сквозь снегопад.

До истечения ультиматума Барышева оставалось ровно двадцать девять минут.

Кирилл выключил фары, оставив лишь узкие полосы габаритных огней.

Машина бесшумно катилась по мокрому асфальту, остановившись в тридцати метрах от решеток первого броневедомства.

В салоне наступила звенящая, последняя тишина.

Агния опустила руку в карман своей темной куртки. Ее пальцы легли на тумблер портативного блока РЭБ «Ку-

пол-Мини», спрятанного под плотной тканью. Коробочка из матового титана была тяжелой, холодной и смертоносной.

В правой руке она держала тонкий кожаный дипломат, в котором лежали копии швейцарских блокировок и досье картеля «Альтаир».

Кирилл повернулся к ней.

Его лицо было совершенно спокойным. Ни тени напряжения. Черное расстегнутое пальто, темная водолазка, отсутствие бронежилета — он выглядел человеком, пришедшим на деловую встречу, за которой стояла смерть.

— Ты помнишь протокол, Агния? — тихо спросил он.

— Помню, — ответила она, глядя в его серые глаза. — Никаких переговоров. Тянуть время до тринадцатой минуты.

Кирилл протянул руку, коснулся ее щеки, на секунду задержав горячую ладонь на ее холодной коже: — Если что-то пойдет не так... падай за переднее колесо. Я прикрою.

— Мы выйдем отсюда вместе, Кирилл, — твердо сказала она.

Они одновременно открыли двери.

20:45. Пятнадцать минут до детонации в Усть-Луге.

Двери внедорожника захлопнулись с синхронным глухим звуком.

В ту же секунду ночь разорвалась ослепительным, чудовищным светом.

Три мощных зенитных прожектора на крышах броневи-

ков вспыхнули с электрическим гулом, ударив концентрированными белыми лучами прямо в лица Кирилла и Агнии.

Свет был настолько плотным, что казался физической стеной. На черной куртке Агнии и на лацкане пальто Кирилла мгновенно сошлись четыре красные точки снайперских лазерных прицелов: две на уровне сердца, две на уровне лба.

Они не прикрыли глаза руками. Они не замедлили шаг.

Они шли вперед по мокрому асфальту нейтральной полосы — размеренным, королевским шагом. Кирилл держал руки в карманах пальто, расправив широкие плечи. Агния шла в полушаге от него, высоко подняв подбородок, не обращая внимания на свист ледяного ветра, рвавшего пряди ее темных волос.

Из-за корпуса центрального «Тигра» тяжело, вразвалку шагнул командир группы наемников.

Это был двухметровый великан в штурмовом бронежилете с открытым лицом, обезображенным старым ожогом от виска до подбородка, и холодными, белесыми глазами профессионального мясника.

Позывной «Беркут». Личный порученец генерала Барышева по особо грязным ликвидациям.

В его левой руке был зажат массивный армейский видеотерминал спутниковой связи с защищенным экраном, направленным в сторону приближающейся пары.

— Стоять на месте! — пророкотал Беркут голосом, перекрывающим вой ветра. — Руки из карманов, оба! Шаг впе-

ред — и снайперы снесут вам башни прямо на этой полосе!

Кирилл и Агния остановились в пяти метрах от него.

Северский медленно, неторопливо вынул руки из карманов, оставив их свободно висеть вдоль тела. Его серые глаза с леденящим презрением впились в лицо наемника: — Ты лаешь слишком громко для цепного пса, Беркут. Где хозяин?

Наемник оскалился, обнажая кривые желтые зубы, и развернул экран терминала прямо к их лицам.

Картинка на дисплее была разделена на два окна в прямом эфире высокого разрешения.

В левом окне транслировалась ночная панорама порта Усть-Луга: Сферические резервуары СПГ под светом дежурных фонарей. Возле распределительного узла стоял боец в маске с армейским пультом радиоподрыва в руках. На цифровом табло детонатора «Вьюга-М» бежали кроваво-красные секунды обратного отсчета: **00:14:18... 00:14:17... 00:14:16...**

А в правом окне развернулся роскошный, обшитый дубовыми панелями кабинет в здании Совета Безопасности РФ на Старой площади в Москве.

В глубоком кожаном кресле под портретом Верховного главнокомандующего сидел генерал армии Виктор Сергеевич Барышев.

На генерале был безупречный парадный китель с золотым шитьем, на груди сияла золотая звезда Героя России и планки высших государственных наград. Перед ним стояла чаш-

ка чая в серебряном подстаканнике, а холеные старческие руки с массивным перстнем спокойно лежали на сукне стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.